

Финалист премии
Goodreads Choice Awards

Из песка и перла

ЭМИ ХАРМОН

ЭМИ ХАРМОН

Из песка и пеня

CLEVER
•ИЗДАТЕЛЬСТВО•

*Настоящему ребе Натану Кассуто —
у меня нет слов, только восхищение*

From Sand and Ash

*by
Amy Harmon*

Пролог

24 марта 1944 года

ДОЛЖНО БЫТЬ, АНДЖЕЛО ЗАДРЕМАЛ в сырой траве у обочины, но вечер выдался зябким, тонкая сутана служила плохой защитой от холода, и вскоре он проснулся, дрожа. Любое движение вызывало стон, но, по крайней мере, острая боль в правом боку окончательно привела его в чувство. Вокруг было темно, а во рту так сухо, что он не удержался и слизнул росу с мельтешившей перед лицом травинки. Нужно было двигаться, чтобы согреться. Чтобы найти воду. Чтобы найти Еву.

Анджело с трудом поднялся на ноги и сделал шаг, затем другой, убеждая себя, что идти все же лучше, чем лежать. Каждый вдох опалял грудь огнем: похоже, несколько ребер были сломаны. Темнота и больная нога делали ходьбу тем еще испытанием, но постепенно он нашел позу, причинявшую меньше всего боли, и, войдя в своеобразный ритм, захромал по Ардейской дороге к Риму. По крайней мере, он надеялся, что хромает к Риму; помощи ему Господь, если он случайно свернул не в ту сторону.

Правый глаз пока служил ему, хоть и не очень исправно; левый же заплыл вовсе, нос был сломан. Что ж, невелика потеря: эта часть тела никогда его особо не красила. На правой руке недоставало трех ногтей,

а мизинец левой был вывернут под неестественным углом. В какой-то момент Анджело споткнулся, полетел на землю и, выставив перед собой руки, приземлился как раз на злополучный палец. Обрушившаяся на него боль была такой, что перед глазами вспыхнули звезды, а горло сжали рвотные позывы. Стараясь не потерять сознания, Анджело осторожно поднялся на колени и не столько вознес, сколько простонал молитву к Деве Марии, умоляя даровать ему еще немного сил. Видимо, она его услышала, потому что он продолжил путь.

До базилики Святой Цецилии в Трастевере было не так уж далеко — километров девять, десять? Но в его состоянии эта дорога грозила растянуться на часы, а он даже не знал, сколько сейчас времени. Впрочем, темнота была его союзником. Раз уж ему полагалось лежать мертвым, будет безопаснее, если таким он, по всеобщему мнению, и останется. Анджело мог лишь догадываться, как выглядит со стороны: волосы перепачканы в крови и грязи, сутану покрывают подсохшие багровые пятна и все это окружает зловоние пота и смерти. Он не менял одежду уже три дня. Сейчас его было бы легче принять за посланника ада, чем за члена Божьего воинства.

Анджело знал, что по пути ему должна встретиться еще одна церковь — ни одна дорога в Риме не обходилась без пятка церквей. Он порылся в памяти, стараясь выудить из нее имя настоятеля, но не преуспел. Поблизости был еще монастырь. И школа. И там и там он спрятал по несколько беженцев. Детей. Евреев. Но сейчас дорога была тиха: ему не встречалось ни души с тех пор, как мимо прогромыхали грузовики с немецкими солдатами, еще

не успевшим остыть оружием и пустыми ящиками из-под коньяка. Они ехали со старой каменоломни — из катакомб, населенных теперь новой смертью. Древние призраки не могли больше претендовать на Ардеатинские пещеры.

Дорога до церкви заняла мучительную вечность, но при виде фонтана Анджело все же ускорил шаг. А затем почти повалился в него лицом, охнул от боли — и тут же подавился водой, случайно втянув ее носом, а не ртом. На вкус она была омерзительна и позже непременно обещала аукнуться ему расстройством желудка, но прямо сейчас это было лучшее, что Анджело пробовал за всю свою жизнь. Напившись вдоволь, он принялся приводить себя в порядок, едва сдерживая слезы, когда разбитые подушечки пальцев касались ледяной поверхности. Он как мог счистил кровь и грязь с волос, затем с кожи. Если рассвет застанет его в пути, он, по крайней мере, хотел выглядеть настолько прилично, насколько это было возможно.

Анджело в испуге вздрогнул, когда на него упала человеческая тень, но тут же понял, что его случайный сосед высечен из камня. В невидящем взгляде застыло сочувствие, но простертые к Анджело руки были бессильны помочь кому бы то ни было. Анджело не знал ни имени святого, ни смысла статуи, название церкви тоже ускользало от него, но что-то в этой фигуре, торжественное выражение лица или печальная смиренность позы, пробудили в нем воспоминания о скульптуре святого Георгия резца Донателло и том дне, когда Анджело впервые услышал его зов.

Ему было тринадцать, когда святой Георгий заговорил с ним. Не в буквальном смысле, конечно.

Анджело не был ни глупцом, ни пророком. И все же произошедшее было для него реально. Весь тот день он пропрыгал на костылях: нога слишком ныла, чтобы пристегивать протез. Школьная экскурсия лишила его последних сил, а с мальчишками ему все равно было не слишком интересно, так что Анджело даже не пытался за ними угнаться. Отец Себастиано отвел их во дворец Барджелло, и не успел Анджело сделать двух шагов от порога, как увидел статую.

Она стояла на возвышении, углубленная в нишу, так что ее нельзя было коснуться. Хотя Анджело хотел бы. Он подобрался к скульптуре так близко, как сумел, и застыл с запрокинутой головой, разглядывая святого Георгия, пока тот неотрывно смотрел в свою древнюю даль с невинностью, которая плохо сочеталась с доспехами, и бесстрашием, которому противоречила тревожная складка бровей. Глаза статуи были широко распахнуты, спина выпрямлена. Какая бы опасность ни грозила святому, он собирался встретить ее со всем возможным достоинством, хотя, судя по внешности, едва достиг того возраста, в котором берутся за меч.

Анджело стоял и смотрел на него как замороженный. Минута утекала за минутой, а он не замечал ни роскошного купола, ни фресок, ни витражей. Огромный музей со всеми его чудесами поблек перед одной-единственной скульптурой.

Теперь, более чем дюжину лет спустя, Анджело поднял глаза к статуе, которой никогда не касалась рука Донателло, и, несмотря на это, вознес к ней молитву.

— Помоги мне, святой Георгий, — произнес он громко, надеясь, что небеса его услышат. — Помоги встретить то, что грядет.

Затем Андже́ло развернулся и побрел прочь от фонтана — по дороге древней, как сам Рим, на каждом шагу ощущая усталой спиной взгляд неизвестного святого. Мысли его вновь обратились к своему защитнику и тому далекому дню, когда все в жизни было простым и ясным, а бессмертие казалось желанным даром, а не ужасной пыткой. После перенесенной боли никто не смог бы соблазнить его бессмертием. Теперь он с большей охотой принял бы смерть.

В тот далекий день Андже́ло созерцал святого Георгия не один, но понял это, только когда человек рядом начал рассказывать историю, стоящую за скульптурой:

— Георгий был римским солдатом. Даже капитаном. Он не отрекся от своей веры в Христа, хотя ему обещали золото, власть и почести просто за то, что он склонится перед богами империи. Видишь ли, император не хотел его убивать. Он очень ценил юного Георгия. Но тот был непреклонен.

Андже́ло наконец оторвал взгляд от статуи Донателло. Рядом с ним стоял священник вроде падре Себастиано — старше отца Андже́ло, но моложе его деда, Сантино. Глаза мужчины блестели, волосы были уложены волосок к волоску, а лицо излучало доброту и любопытство, однако сложенные за спиной руки и вся его осанка несли торжественную печать самоотречения.

— Он погиб? — спросил Андже́ло.

— Да, погиб, — мрачно ответил священник.

Андже́ло догадывался и сам, но правда все равно его ранила. Ему хотелось для юного героя победы.

— Он погиб, но он поразил дракона, — добавил священник мягко.

Эти слова не имели для Анджело никакого смысла, и он в смущении наморщил нос, снова переведя взгляд на скульптуру и огромный щит в руке Георгия. Рассказ священника показался ему правдивым, но в правдивых историях не было места драконам.

— Дракона? — переспросил Анджело. — Как это?

— Зло. Искушение. Страх. Дракон — символ той битвы, которую ему пришлось выдержать с самим собой, чтобы остаться верным Господу.

Анджело кивнул. В этом объяснении для него было гораздо больше смысла. Они со священником снова погрузились в молчание, разглядывая давно умершего солдата, которого воскресила к жизни рука мастера.

— Как твое имя, молодой человек? — спросил священник.

— Анджело. Анджело Бьянко.

— Знаешь, Анджело, а ведь святой Георгий умер больше пятнадцати веков назад. Однако вот они мы — стоим здесь и о нем разговариваем. Разве это не бессмертие... в некотором роде?

От этой мысли у Анджело перехватило горло. Он скорее сморгнул непрошенные слезы.

— Да, отец, — прошептал он. — Именно так.

— Святой Георгий рискнул всем, и теперь он бессмертен.

Святой Георгий рискнул всем, и теперь он бессмертен.

Анджело застонал, воспоминание заставило его желудок сжаться. Какая ирония! Какая невыносимая, беспощадная ирония! Он тоже рискнул всем — и, вероятно, потерял то единственное, ради чего отказался бы от бессмертия.

Когда небо на востоке окрасилось зарей, а бледный свет омыл башни и колокольни Вечного города, Андже́ло наконец добрался до ворот Святой Цецилии. В ту же секунду, словно приветствуя его, начали звонить к заутрене колокола. Но Андже́ло вряд ли их заметил: взгляд его был прикован к железным шпильям, а мысли полны единственной надеждой, что Ева каким-то чудом ждет его внутри.

Несколько минут спустя матушка Франческа обнаружила его привалившимся к воротам, словно Андже́ло пришпилил к ним прислужник Сатаны. Должно быть, она приняла его за мертвеца, потому что в ужасе вскрикнула, осенила себя крестным знамением и побежала за помощью. У Андже́ло не осталось сил ее успокаивать.

Он молча наблюдал сквозь заплывшие веки, как рядом опускается Марио Соннино — проверяет у него пульс, а затем начинает раздавать остальным указания, чтобы Андже́ло занесли внутрь.

— Снаружи опасно, — выговорил Андже́ло разбитыми губами. Марио было опасно находиться за воротами. Марио было опасно находиться *внутри* ворот.

— Тебя... могут увидеть, — попытался Андже́ло снова, но слова прозвучали не более чем шелестом.

— Несем его наверх, в комнату Евы! — скомандовал Марио.

— Где... Ева? — выдавил Андже́ло. Губы не слушались, но ему нужно было знать.

Никто ему не ответил. Его быстро подняли по лестнице — Андже́ло вскрикнул от боли в ребрах — и бережно уложили на кровать. Вокруг витал запах Евы.

— Ева! — повторил он громче и как мог обвел комнату единственным, не до конца заплывшим глазом. Но силуэты вокруг туманились, а люди хранили пугающее молчание.

— Мы не видели ее уже три дня, Анджело, — наконец ответил Марио. — Ее забрали немцы.

24 марта 1944 года

Виа Тассо

Признание: меня зовут Батшева Росселли, а не Ева Бьянко, и я еврейка. Анджело Бьянко — не мой брат, а священник, который хотел только уберечь меня от того места, в котором я теперь оказалась.

Когда я впервые встретила Анджело, он был ребенком. Как и я. Ребенком, чьи глаза в столь юном возрасте знали слишком много разочарования. После прибытия в Италию он долгое время не разговаривал. Только смотрел. Я думала, это из-за того, что он американец. Думала, он не понимает итальянскую речь. Сейчас, конечно, смешно вспоминать, как я пыталась говорить с ним громко и медленно, будто у него было что-то не в порядке со слухом. Как я танцевала вокруг него, наигрывала на скрипке и распевала песенки — просто чтобы посмотреть, улыбнется ли он. Когда же он улыбался, я обнимала его и целовала в щеки. Его уши были совершенно здоровы. Он прекрасно меня понимал. Просто в те первые дни он слушал. Наблюдал. Учился.

Камилло, мой бесконечно терпеливый отец, просил оставить Анджело в покое, но я не могла. Просто не могла. И так в этом и не преуспела, как сейчас понимаю. Я танцевала вокруг него годами, пытаясь привлечь его внимание и желая только увидеть его

улыбку. Желая быть рядом с ним, желая любить его и быть любимой в ответ. Уже тогда во мне жила бунтарка, которая раз за разом выходила на битву со страхом, пускай я его и не сознавала. Эта бунтарка всегда была моей главной союзницей, хотя иногда я ее ненавидела. Она выглядела как я и страдала как я, но никогда не позволяла мне сдаваться. Даже когда страх отбирал у меня все причины бороться, бунтарка отвоевывала их обратно.

Отец однажды сказал мне, что мы приходим на землю, чтобы учиться. Господь хочет, чтобы мы взяли от жизни все, чему она способна научить. А потом мы собираем эти знания, и они становятся нашим подношением Богу и человечеству. Но чтобы учиться, мы должны жить. А чтобы жить, иногда приходится сражаться.

Это мое подношение. Уроки, которые я усвоила, крохотные акты неповиновения, которые сохранили меня в живых, и любовь, которая питала мою надежду, когда у меня не было ничего, кроме нее.

Ева Росселли

1929

Глава 1
Флоренция

— У САНТИНО ЕСТЬ ВНУК. Ты знала? — спросил Еву папа.

— У дедули есть внук? — удивилась Ева.

— Да, у дедули. Только он на самом деле не твой дедуля, ты же это понимаешь?

— Он мой дедуля, потому что ужасно меня любит, — возразила Ева.

— Да, но он не мой отец, и он не отец твоей мамы, — терпеливо объяснил папа. — Поэтому он не твой дедушка.

— Да, папочка. Я знаю, — ответила Ева раздраженно, не вполне понимая, зачем так подробно растолковывать очевидное. — А Фабия мне не бабушка.

Произнесенные вслух, эти слова все равно ощущались ложью.

— Да. Именно. Видишь ли, у Сантино и Фабии есть сын. В молодости он уехал из Италии в Америку, потому что там для него было больше возможностей. Он женился на американской девушке, и у них родился маленький мальчик.

— А сколько ему сейчас?

— Одиннадцать или двенадцать. Он на пару лет старше тебя.

— И как его зовут?

— Анджело. В честь отца, видимо. Но пожалуйста, Батшева, помолчи минутку. Перестань меня все время перебивать.

Папа называл Еву полным именем, только когда его почти безграничное терпение начинало истощаться, так что она послушалась и прикусила язык.

— У Анджело умерла мама, — продолжал папа печально.

— Бабуля поэтому вчера прочитала телеграмму и расплакалась? — Ева уже забыла о своем намерении не перебивать.

— Да. Сантино и Фабия хотят, чтобы их сын привез мальчика в Италию. У него некоторые проблемы со здоровьем. С ногой, точнее. Они хотят, чтобы внук пока пожил с ними. Старший брат Сантино — священник, и они думают, что мальчик мог бы поступить в семинарию здесь, во Флоренции. Ему, конечно, поздновато начинать, но он ходил в Америке в католическую школу, так что не должен отстать от одноклассников слишком сильно. Может, он их еще и перегонит...

Последние слова папа произнес таким тоном, будто размышлял вслух, а не сообщал Еве то, что ей действительно следовало услышать.

— Помогу ему по мере сил, — пробормотал он.

— Думаю, мы подружимся, — заявила Ева. — Раз у нас обоих умерли мамы.

— Это точно. Друг ему понадобится.

Ева не помнила свою мать. Та умерла от туберкулеза, когда Ева была совсем малышкой. В ее памяти сохранилась лишь расплывчатая картинка, как мама неподвижно лежит в постели с закрытыми глазами. Еве тогда едва ли исполнилось четыре, но она до сих

пор помнила высоту кровати и чувство триумфа, с которым она подтянулась и перекатилась на одеяло, продолжая сжимать в руке крохотную скрипку. Она хотела сыграть для мамы.

Ева проползла по одеялу и коснулась лихорадочной щеки, чей ярко-красный цвет делал маму похожей на разбуряченную куклу. Та медленно подняла веки. Ее глаза были стеклянными и словно смотрели сквозь Еву, усиливая неприятную ассоциацию. Ева испугалась — испугалась этой почти безжизненной фигуры с остановившимися на ней голубыми глазами. А затем мама произнесла ее имя, и оно хрустнуло у нее в губах, словно старая бумага.

— Батшева, — прошептала она.

За этим словом последовал ужасающий приступ кашля, который надломил и сотряс все ее тело. Этот скрипучий шепот и то, как мама рвано выдыхала после каждого слога, будто имя Евы должно было стать последним словом в ее жизни, надолго поселило в девочке ненависть к нему. Всякий раз, когда папа пытался назвать ее Батшевой после маминой смерти, она затыкала уши и начинала рыдать.

Тогда-то папа и стал звать ее Евой. Это было единственное воспоминание Евы о маминой жизни — об их недолгой жизни вместе, — и его она предпочла бы забыть. Такая память не доставляла ей никакого удовольствия. Гораздо больше ей нравилось рассматривать мамину фотокарточку, притворяясь, будто она действительно помнит эту очаровательную женщину с мягкими каштановыми волосами и фарфоровой кожей. На снимке она держала Еву на коленях, сидя рядом с гораздо более молодым Камилло: в черных волосах еще не